

КОНРАД ФИАЛКОВСКИЙ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ЦЕРЕБРОСКОП

ЮМОРЕСКА

Все началось, когда профессор Пат вернулся с Сириуса и стал читать на нашем курсе лекции по основам кибернетики. Его глаза были скрыты охранной черной эмульсией. На Сириусе эта эмульсия предохраняла зрение от сильных ультрафиолетовых лучей, на Земле же была совершенно ни к чему и служила лишь экстравагантной приметой профессора. Кроме эмульсии, Пат привез представителя тамошней фауны — диотона и держал его в огромном прозрачном, наполненном аммиаком резервуаре, занимающем половину кабинета. Диотон обычно неподвижно висел под потолком своей тюрьмы, напоминая огромный красно-синий лист. Этим кабинет Пата отличался от других кабинетов института. Однако повсеместно известной фигурой профессор стал совсем по иному поводу.

Он привез с Сириуса новый метод экзаменовки студентов. Способ гениальный и абсолютно объективный, как утверждал Пат. Дикое недоразумение — по мнению студентов.

— Дорогие мои, — начал профессор свою торжественную лекцию, — в нашей работе несущественно, что вы помните. Для этого есть мнемотроны и другие аккумуляторы информации. Важно, умеете ли вы мыслить. В течение многих лет вас приучали к тому, что между запоминанием материала и умением разобратся в нем нет никакой разницы. Экзаменатор не мог проникнуть в ваши головы и проверить, кто из вас действительно думает, а кто только помнит. Но свежее дуновение мысли пришло, — он возвысил голос, — с Сириуса. Там изобрели автомат — цереброскоп. Это приспособление читает мысли экзаменуемого, анализируя токи его мозга, возникающие в результате действия внешнего возбудителя, каковым является вопрос экзаменатора. Полученный ответ сравнивается с информацией мнемотронов. Поэтому оценка объективна и безошибочна. Весь процесс записывается цереброскопом и может быть представлен графически как цереброграмма... Вот пример такой записи.

Пат погасил свет, и экран видеотрона, занимающий почти всю стену над его головой, загорелся серым светом. Посредине появилась черная прямая линия.

— Ничего не видно, — послышались голоса с задних рядов.

Пат хотел что-то ответить, но его опередил отчетливый шепот с передней скамьи:

— Это же кривая работы мозга создателей цереброскопа.

Аудитория взорвалась смехом. Прежде чем студенты утомонились, кривая на экране заволновалась и острыми пиками поднялась вверх.

— Перед вами цереброграмма весьма среднего индивидуума. Бывают цереброграммы с амплитудой в три или четыре раза большей, — объяснил Пат, когда аудитория немного утихла.

— Наш курс наверняка не пережмет предохранителей автомата...

На этот раз засмеялся и Пат.

Так, пошучивая, мы приветствовали это нововведение в стенах нашего учебного заведения, хотя уже тогда предвидели, что в будущем неприятностей с ним не оберешься. Однако то, что происходило на экзаменах, превзошло даже самые гениальные прогнозы.

— Приходишь, — рассказывал мне Кев, маленький рыжий австралиец, провалившийся на экзамене два дня назад. — Два ассистента Пата хватают тебя за руки, и не успеешь ахнуть, как уже сидишь в кабине. На голову тебе надевают шлем. Тесно, не двинешься, кругом висят провода, потому что этот цереброскоп, вообще-то говоря, кустарщина. Воняет разогретой изоляцией, где-то над ухом пощелкивает реле. Потом Пат говорит: «Внимание! Я сейчас задам вопрос, а затем включу автомат».

Все время перед тобой горит зеленый огонь, а когда Пат кончает говорить, загорается красный. Тогда ты начинаешь думать обо всем, что знаешь по заданному вопросу, и притом как можно логичней. Потом, когда уже обо всем подумаешь, нажимаешь кнопку с надписью «Конец», и тебя выволакивают из кабины. Только смотри, какую кнопку нажимаешь, а то Рим ошибся, и его хватили двести вольт! Известное дело — кустарщина... А если случайно подумаешь, что ничего не знаешь, так, по первой эмоции, то, хоть бы и знал, автомат выключается — и конец... Пат приглашает следующего и при этом говорит: «Ответьте за свои мысли».

Из группы австралийца Кева сдали только несколько человек. Лучше всех как раз те, что вызубрили материал до буквы. Были и такие, которые думали сами. Тогда автомат брэнчал, мигал огнями, запаздывал, словно раздумывая над чем-то, и, наконец, с трудом подавал результат, не всегда положительный. Пат утверждал, что при очень сложных ответах у него возникают трудности с расшифровкой.

— Старайтесь мыслить просто, как можно доступней, словно объясняете проблему, скажем, поэту, который не знает даже математического анализа, — говорил он.

— Да, но поэт все же может не понять...

— Конечно. Однако цереброскоп не поэт, а исправный автомат.

Я на всякий случай решил пока ничего не отвечать цереброскопу, а подождать осенней сессии.

Так же думал и Тор. Мы жили втроем в солнечной комнате на двенадцатом этаже небоскреба. Окна наши выходили на озеро. Там в порывах ветра двигались на фоне зеленых взгорий паруса.

Ван, последний из нашей тройки, утверждал, что эта картина мешает ему мыслить, и включал поле, распыляющее свет в окнах, отчего казалось, будто вдруг наплыло белое облако и окутывало наш небоскреб.

Ван действительно думал интенсивно. Ведь именно он избрал способ гашения волн ассистентов во время испытаний и передачу от их имени более лестных отзывов о нас в суммирующие автоматы. Это Ван так удачно замкнул контрольный автомат во время экзаменов, что, прежде чем машина после многочисленных ошибок дала, наконец, правильный ответ, мы уже двукратно проверили его нашими карманными автоматами.

Когда вечером, разогретый солнцем, я вернулся в комнату, Тор изводил мнемотрон однообразными вопросами: «Любит?», «Не любит?» Мнемотрон был явно перегружен, загорелся красный свет тревоги, что, впрочем, ни в коей мере не беспокоило Тора. Ван лежал на кровати, закрыв глаза и подложив руки под голову. Окна комнаты туманно белели.

Я как раз хотел просмотреть последние сообщения в видеотрон, когда Ван вдруг сорвался с кровати.

— Есть! Нашел!..

Я взглянул на него, а Тор после минутного колебания выключил мнемотрон.

— Вопрос первый, — голос Вана звучал торжественно, — сдадите ли вы экзамены у Пата?

— Нет, — ответил я.

— Пожалуй, нет, — повторил Тор.

— По нулю обоим, — отметил Ван в стиле цереброскопа. — В том-то и дело, что садите.

Тор пожал плечами. Хотел о чем-то спросить Вана, но тот не дал сказать ему ни слова.

— Вопрос второй: как долго вам придется зубрить?

— Минимум две недели, — через минуту ответил Тор. Я кивнул.

— Опять ноль. Ни секунды.

— Чудесно! Но как...

— Подожди. Вопрос третий: как вы назвали бы человека, сказавшего вам, как это сделать?

— Гением!

— Защитником угнетенных!

— Единица, — отметил Ван. — Этот человек — я. Присвоенные мне титулы напишите печатными буквами и повесьте над моей кроватью. Так вот, идея настолько проста, что даже удивительно, как никто не додумался до этого раньше. С чем сравнивает цереброскоп полученные

от нас ответы? С сообщениями, идущими от мнемотронов. Стало быть, достаточно подключиться к мнемотрону, собрать информацию и послать ее на передающее приспособление с силой токов нашего мозга. Если сам в это время не будешь ни о чем думать, ответ будет на сто процентов правильным. Ну как?

— Мысль прекрасная, но для ее реализации необходимо знать устройство цереброскопа. А как ты узнаешь?

— Я подумал об этом. Устройство автомата мы узнаем во время дежурства Макса.

— Но он не позволяет даже приблизиться к машине. Попробуем лучше во время дежурства другого ассистента.

— Не торопись. Ты, Тор, пойдешь к нему со своими древними бумажками, почтовыми марками, — так, кажется, они называются. Можешь ему даже предложить несколько штук. Макс за них душу отдаст.

— Ну ладно, но...

— Никаких «но». Для общей пользы тебе придется урезать свою странную любовь к намазанным клеем бумажкам.

Это ставило крест на дальнейшей дискуссии. К Максy мы пошли на следующий день.

— Вы не видели цереброскопа? Не унывайте, еще увидите, — скрипуче рассмеялся он.

— Видели. Ничего особенного, — начал Ван.

— Ну, ну, — засмеялся Макс, на этот раз уж совсем неизвестно чему.

Ободренный столь удачно развивающейся беседой, Ван приступил к существу дела.

— Коллега, — он указал на Тора, — только что получил из Европы несколько марок, но не сумел определить, к какому периоду они относятся.

— Да?.. Покажите-ка...

Я впервые увидел на лице Макса что-то вроде возбуждения.

Тор, с трудом передвигая ноги, подошел к Максy. Потом решился и протянул ему альбом. Макс схватил его, открыл.

— О, чудесные марки, прекрасные марки! — Слово «марки» он произносил с особенной любовью. — Например, эта. Искусство, а? — обратился он к нам.

— Конечно! — воскликнули мы в два голоса.

Тор, пришибленный, молчал.

— Исключительная работа древних мастеров! — продолжал Макс свой монолог. Он был уже на третьей странице. Мы оставили ассистента склонившимся над треугольниками с грибами и подошли с Ваном к цереброскопу. Вход в кабину был приоткрыт. Я просунул голову внутрь. Кресло, шлем, какие-то переключатели, клавиши, контрольные лампочки...

— Тут где-то должна быть схема... — шептал Ван, пытаясь заглянуть под сиденье. — Какая-то таблица с гнездами. Есть! — он откинул спинку сиденья, под которой фосфоресцировала схема.

Мы молча всмотрелись в нее.

— Здесь, — ткнул я пальцем в схему, — надо было бы подключить провод.

— Согласен. Но где это может быть в кабине?

— Черт его знает! Хотя смотри! Вот центральный делитель импульсов. Подключение должно быть сразу за ним.

— В таком случае подключаемся, пожалуйста, тут, — Ван коснулся щита со множеством гнезд.

Предположение оказалось правильным. Через несколько минут мы знали все.

— Запомни! Второе гнездо третий ряд и третье гнездо пятый ряд. Только не перепутай.

— Второе гнездо третий ряд и третье гнездо пятый ряд, — повторил я.

Мы незаметно выскользнули из кабины. Треугольнички уже сменили хозяина, и Макс как раз убеждал Тора в несомненно большей ценности ромбов, которые Тор получал взамен.

— А может быть, мы все-таки осмотрим цереброскоп? — неожиданно спросил Ван.

Макс мгновенно умолк и медленно повернул голову. Минуту смотрел на Вана.

— Нет, нельзя... — он сказал это странным голосом. Помолчав, обратился к Тору: — Возьми свои треугольнички. Боюсь, я не найду ромбов... Таких, чтобы тебе понаравились... — добавил он едва слышно.

Тор покраснел от удовольствия и начал осторожно перекладывать треугольнички обратно в свой альбом.

— А теперь идите отсюда, — сказал Макс тихо, но с удивительной решимостью.

Мы молча покинули лабораторию.

— Пойдем на пристань, что ли... — предложил я.

— Нет. Скорее в нашу лабораторию готовить негцереброскоп, так я предлагаю назвать наше изобретение, — твердо решил Ван.

Мы пошли в лабораторию, и начались труды тяжкие. Неподвижно торчала темная голова Тора, склонившаяся над экранами трех мнемотронов. Ван и я работали с автоматическим конструктором. Задали ему ограничительные данные. Прежде всего негцереброскоп должен был быть совершенно плоским.

— Понимаешь, его совсем не должно быть видно. Если у тебя на спине будет что-то торчать, ведь не скажешь, что это горб, выросший во время подготовки к экзамену. — обосновал Ван первое ограничение.

Были у нас хлопоты и со снабжением прибора током. Я предлагал устроить аккумулятор в ботинке, однако победил проект Тора; прибор должен использовать энергию цереброскопа. Наконец за день до экзаменов все было готово. Автомат весил немного. Только жал в лопатках. В кармане лежали две пары проводов — их надо было подключить к соответствующим гнездам. Мы условились, что первым пойдет Ван.

Экзамен начинался в девять. К восьми пришли первые

студенты. Их серо-стальные комбинезоны контрастировали с бледными, измученными лицами. Ван же выглядел особенно здоровым и веселым.

— Ван, что с тобой сегодня? Получил письмо с Лунны? — Аль, огромный парень с Камчатки, подошел к Вану и поднял руку, чтобы по-приятельски хлопнуть его по спине.

— Минуточку, — удержал его Ван. — В столь торжественный день меня обычно гладят по голове.

За несколько минут до начала экзамена вошел, вернее — влетел, энергичный Пат. За ним, прихрамывая, спешил Макс и еще двое ассистентов. Пока открывали лабораторию, Пат считал нас, тыча в каждого пальцем.

— Хм... семнадцать. Ну, стало быть, до двенадцати должны кончить. Знаете ли вы, — добавил он с энтузиазмом, — что существует проект применения цереброскопа на всех экзаменах? Прекрасно, не правда ли?! — с этим восклицанием он скрылся за дверьми.

— Для кого как. Пожалуй, нет уже никаких шансов окончить институт. С автоматами не потягаешься, — у Юра, говорившего это, было безнадежно унылое лицо.

Ван хотел было что-то возразить, но только улыбнулся. В это время открылись двери, и на пороге встал Пат.

— Прощу входить. Будете смотреть, как мыслят ваши товарищи.

Мы вошли. Автомат уже работал на холостом ходу, бросая на экран прямую горизонтальную линию.

— Кто первый? — спросил Пат.

Все стояли, переминаясь с ноги на ногу. Наконец вышел Зоо. Спустя секунду он уже сидел в кабине. Пат повторил sacramентальные правила и, наконец, задал вопрос:

— Каков эквивалент одиночного импульса в гомофильной сумме? Я сказал это специально для него, — обратился он к нам. — Цереброскопу вполне достаточно, если бы я просто подумал об этом.

Пат нажал кнопку, и кривые стартовали. Зоо, согласно инструкции, ничего не говорил, мысленно решая проблему. Огоньки загорались и гасли. Кривые лениво извивались. Несколько минут царил полнейшая тишина. Только щелкали переключатели. Сквозь прозрачное окошко кабины мы видели лицо Зоо. Он закрыл глаза и с усилием думал. Иногда едва заметно двигал губами, словно шептал что-то автомату. Пат задал следующий вопрос, потом еще. Наконец Зоо с каплями пота на лбу вышел из кабины.

— Ты набрал достаточное, но минимальное количество очков, — определил Пат после получения результатов. — Тройка.

Зоо резко отвернулся и вышел не прощаясь.

Следующим отвечал Вибер. После второго вопроса он выскочил из кабины.

— Не буду я сдавать автомату! Это несправедливо. Он анализирует мысли, которые я никогда бы не высказал!

— Коллега, успокойтесь. Вы нервничаете! — Пат обратился к Виберу, как к больному.

— Профессор, Вибер до некоторой степени прав, — прервал Пата Макс. — Подключенный к анализатору, я вижу его мысли. Человек не в состоянии идеально сосредоточиться на теме. Всегда существуют мысли побочные, порой не подлежащие огласке... — Макс неприятно рассмеялся.

Пат взглянул на него своими черными глазами и повернулся к Виберу:

— Прошу внутрь. Будем кончать экзамен.

— Я не буду сдавать!

— Успокойтесь и приходите позже... Кто следующий?

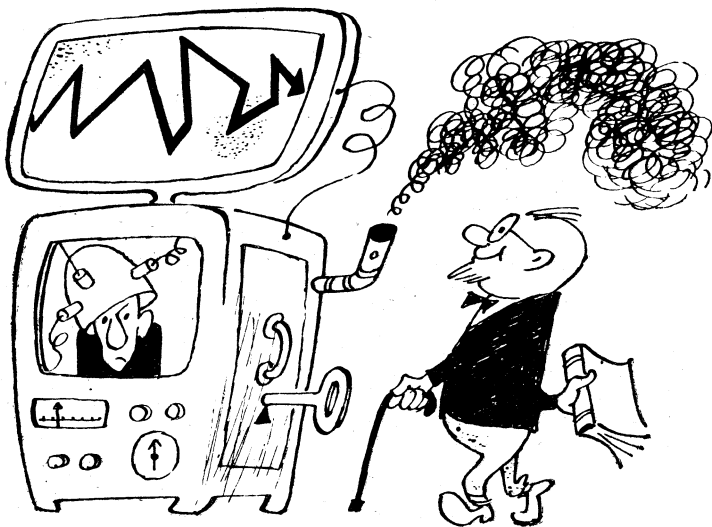
Тогда выступил Ван. Скрывшись в кабине. Пат сказал ему то, что говорил обычно, а потом задал вопрос. И тут началось.

Огни загорелись, погасли. Кривые заматались по экрану, мгновенно меняя формы. Мы не успели прийти в себя от изумления, а кривые уже замерли.

Пат минуту стоял, с недоверием вглядываясь в экраны, наконец решил и задал следующий вопрос. Снова помчались кривые, и результат появился спустя несколько секунд. Пат подскочил к кабине. Я боялся, что Ван не успеет отключиться от цереброскопа.

— Коллега, вы гений! — крикнул Пат.

Ван скромно опустил глаза.

— Ничего подобного я еще не видел, — продолжал Пат, — ни на Сириусе, ни на Земле. Никогда не предполагал, что среди моих студентов кроется такой демон мысли!

Кроме нас двоих, все смотрели на Вана с изумлением, смешанным со страхом.

— Невероятно! — повторял Пат. — Что вы делали до сих пор, молодой человек?!

— Ничего... только получал знания...

— Это правда... И Эйнштейн не блистал в институте... Но такой мыслитель, как вы... Невероятно!

Ван заколебался.

— Простите, профессор, но это было колоссальное умственное напряжение. Я... сдал?

— Конечно. Прекрасно! Почти максимальное количество очков...

— Мне можно уйти? Я хотел бы немного отдохнуть.

— Ну, разумеется, идите. Необходимо беречь такой чудесный инструмент, как ваш мозг.

Я вышел с Ваном. В дверях еще слышал слова профессора:

— Видите! Цереброскоп может служить также для обнаружения гениев...

Я подумал, что произойдет, если на одном экзамене обнаружатся три гения мысли. Но отвечать надо. Выбора у меня не было.

Остальное произошло быстро. Ван надел на меня негцереброскоп, и я вернулся в лабораторию. Пожалуй, слишком волновался. Чувствовал, что мои колени словно сделаны из ваты. Мысленно я без конца повторял: «Второе гнездо третий ряд, третье гнездо пятый ряд». Будто сквозь туман слышал, как сдавал Аль, как Пат продолжал восхищаться гениальностью Вана. Наконец пришла моя очередь. Я быстро вскочил в кабину, захлопнул дверь, вынул провода из карманов и вдруг понял: не могу припомнить номеров гнезд. Мне стало жарко. Через минуту раздается первый вопрос. Нет, не могу вспомнить! Кажется, второе гнездо третий ряд и третье гнездо четвертый ряд. Пожалуй, так. Все равно ничего другого не придумать. Я как можно скорее воткнул штекеры в гнезда, распрямился в кресле и с облегчением вздохнул. Теперь ответ придет сам, только нельзя ни о чем думать.

Пат монотонно повторял свои формулы. Я даже не слушал. Для меня экзамен был уже позади.

Впереди — отдых. Вода, паруса... Я представил себе ласточек, носящихся над водой, почти касающихся ее поверхности, отражающей цвета заката...

Неожиданно заметил, что уже горит красная лампочка. Пожалуй, все в порядке. Автомат трещал переключателями. Потом все утихло. Сквозь окно я увидел, как мои товарищи захлебываются от смеха, и высочил из кабины.

— То, что ласточки летают и каким-то образом строят гнезда, пожалуй, еще не совсем кибернетика, — рассуждал Макс.

Один Пат не смеялся. Молчал, красный от гнева.

— Может быть, цереброскоп испортился... — неуверенно предположил я.

— Это гений Вана вывел его из строя, — подсказал кто-то сбоку.

— Наверно, перегрузил, — добавил Кор с глубоким убеждением.

— Мы не станем сдавать испорченному автомату!

— И вообще неизвестно, работал ли он правильно с самого начала... Бен прекрасно все знал — и провалился... — поднялась волна голосов.

Теперь Пат стоял бледный. Все взгляды устремились на него. Наконец он сказал:

— Прошу меня извинить. Конечно, все оценки будут аннулированы. Нельзя судить о знаниях студентов на основании показаний так скверно работающего прибора.

От энергии профессора не осталось и следа. Он остановился у стены, пропуская студентов, со смехом покидавших зал.

— Кретинский гений! — приветствовал меня Ван. — Ты знаешь, что сделал? Подключился непосредственно к диспозитору цереброскопа и направлял его собственными мыслями. Он выбирал информацию по вопросам, о которых ты думал... Скажи честно, ты думал о ласточках?

— Да.

— Тогда все ясно. Ну, кажется мне, Пат не возобновит своих опытов после такого провала! — Ван захлебнулся смехом.

— Наверно, нет...

* * *

Эта история оставалась нашей тайной. С тех пор прошло два года, и теперь мы кончаем институт. На Вана по-прежнему еще смотрят подозрительно и показывают его первокурсникам:

— Это тот, который думал быстрее, чем цереброскоп...

Сокращенный перевод с польского Е. ВАЙСБРОТА

